

АЛЕКСАНДР ХАКИМОВ

ТРАНСЛЯЦИЯ?

...Время от времени в Интернете крутят любопытный ролик. Называется он «**Американские ученые наладили прямую трансляцию со дна Марианской впадины**». В течение нескольких минут перед взором изумленных зрителей проплывают выхваченные из мрака всевозможные морские организмы – моллюски, гребневики, медузы, рачки, осьминоги, рыбы... Выглядят они достаточно фантастически, эти представители глубоководной фауны. Разные люди реагируют на ролик по-разному. Одни восклицают восторженно: «Вот это чудеса!», имея в виду необыкновенные формы жизни. Другие значительно говорят: «Американская техника, что вы хотите!» Третьи, из числа тех, у кого всегда найдется в кармане запасная фига, злобно шипят: «Ну да, пока мы тут в дерьме копаемся (вариант: пока вы тут в дерьме копаетесь), американцы, вон, из Марианской впадины трансляцию ведут!».

Сосредоточенно грызя спичку, я несколько раз просмотрел ролик самым внимательнейшим образом. И в простую душу мою закрались черные подозрения. Конечно, я не профессиональный киношник или, скажем, телевизионщик, но кое-что в этих делах смыслу. Некоторые детали – освещение, планы, монтаж – дали мне основания предполагать, что это не прямая трансляция вообще. Другие детали дали мне не меньшие основания предполагать, что это не совсем Марианская впадина. И в чем я точно профессионал – так это в биологии, и, скажем, в глубоководных тварях разбираюсь больше даже, чем в кино. Так вот, напомним: Марианская впадина (она же «**бездна Челленджера**») – глубочайший из известных географический объект, расположенный в западной части Тихого океана, в 320 километрах к югу от острова Гуам. Это самая низшая точка Марианского желоба – узкой дугообразной ложбины, тянущейся вдоль островов Марианского архипелага – а также низжайшая точка Мирового океана; расположена эта точка на глубине без малого 11 километров. Там, разумеется, есть своя, специфическая фауна, что было доказано как автоматами, спускавшимися в «бездну Челленджера», так и людьми, там побывавшими (за всю историю низжайшую точку Мирового океана посетило всего лишь три человека). Но фигурирующие в ролике медузы, гребневики, ракообразные, рыбы обитают на заведомо меньших глубинах, нежели десять километров, а мелькнувший в кадре песчаный осьминожек **Октопус Кониспадицеус** вообще не опускается ниже 300 метров! К тому же, осьминожек снят не в естественной среде обитания, а в аквариуме... В абиссальных зонах Мирового океана (то есть от километра и ниже) водятся осьминоги, но они выглядят как жуткие химеры, порожденные наркотическими глюками (чего стоит лишь название одного из таких глубоководных осьминогов – «**адский вампир**»!). Однако в кадре присутствует банальный спрутик, который держится ближе к поверхности океана и часто выползает на сушу...

Вывод: то, что выдается за прямую трансляцию со дна Марианской впадины, на деле является нарезкой кадров, снятых в разных точках Мирового океана, на разных глубинах, автоматическими камерами либо же пилотами глубоководных аппаратов; как минимум, одна сцена снята в специально оборудованном аквариуме. И если среди этих кадров есть такие, которые действительно сделаны в Марианской впадине – то их, таких кадров, мизер. Остальное притянуто, как говорится, за уши.

Спрашивается – для чего это было сделано? Нет, я не назвал бы это обманом – скорее, мистификацией, розыгрышем... Правда, ролик этот не просто ролик – дополнительный аргумент в пользу продвинутой американской науки и высокоразвитой американской техники. Но так ли он нужен, этот шаткий аргумент? Кто-нибудь сомневается в высоком качестве американской техники или в успехах американской науки?

Я, например, не сомневаюсь.

Я не сомневаюсь, потому что мне в достаточной степени знакомы достижения американской, например, биологии или космонавтики. Я бы предпочел говорить все же о космонавтике, и знаете почему? Мы ведь в пропаганде науки и техники стараемся воздействовать на массы, которые в большинстве своем либо малообразованны, либо вообще невежественны. Крайне мало найдется людей, которые задохнутся от восторга, по достоинству оценив новейшие успехи американских генных инженеров или биологов, синтезировавших живую клетку или построивших искусственную ДНК... Для масс же все это – малопонятная мутотень, недостойная внимания; слово «**ДНК**» вызывает у масс оживленный интерес лишь в случае ДНК-анализа на предмет установления отцовства той или иной «**звезды**»... Кому интересно, чем там амебы под микроскопом занимаются! А вот космонавтика – иное дело, широта, масштабность, зрелищность, энтузиазм, доставшийся нам в наследство со времен Юрия Гагарина и Нейла Армстронга! Есть, на что посмотреть, чем полюбоваться! И **NASA** есть чем гордиться!

В сентябре 2015 года я с замиранием сердца рассматривал снимки Плутона – самой отдаленной планеты нашей Солнечной Системы, снимки, сделанные американским зондом **New Horizons**. Чуть раньше, в апреле 2015-го, я с неменьшим замиранием сердца рассматривал фотографии поверхности Меркурия, планеты, ближайшей к Солнцу, сделанные американской межпланетной станцией **Messenger**. Исчерпав запасы топлива, станция на большой скорости врезалась в Меркурий, добросовестно пересылая на Землю снимки меркурианской поверхности с все более и более близкого расстояния... Сорок с небольшим лет назад я разглядывал в газетах и журналах снимки марсианского пейзажа, которые передал благополучно опустившийся на Красную Планету американский космический аппарат **Viking-1**. Запущенные в начале-середине 70-х годов американские межпланетные зонды серии **Pioneer** и **Voyager** совершали неспешное турне по планетам Солнечной Системы, исправно посылая на Землю снимки естественных спутников Юпитера, Сатурна, Урана, Нептуна, сатурнианских колец... Пару лет назад американский телескоп **Spitzer** сфотографировал новую часть Млечного пути, ту, где находятся полосы пыли и газа, из которых формируются звезды (так называемый «**родильный дом звезд**»); таким образом, Spitzer перевел в доступную для простого человеческого глаза форму изображения колоссальнейших астрономических объектов, находящихся на умопомрачительном расстоянии от Земли. Фотографии эти, опубликованные в научно-популярных журналах, могут увидеть, при желании, шофер и домохозяйка, учитель и школяр, грузчик и менеджер, полисмен и художник. Великолепная американская техника вполне позволяет увидеть невидимое, приблизить далекое, осмыслить невообразимое, – причем сделать это для любого лба, не обязательно ученого. Уж что-что, а популяризировать науку американцы умеют, как в печатных изданиях, так и в научно-популярных фильмах и телепередачах; видели ль вы, например, цикл передач о строении и тайнах Вселенной, цикл, ведущим которого является популярный темнокожий актер Морган Фримен?

Вот я и думаю: в снимках, телеметрически передаваемых американскими космическими аппаратами с далеких планет и их спутников, не было ни фальши, ни путаницы. Никто не выдавал Марс за Меркурий, Меркурий за Плутон, Ганимед – за Титан, а созвездие Орла – за созвездие Козерога. В этом просто не было нужды. Отчего же «пря-

мая трансляция со дна Марианской впадины» содержит столько, мягко говоря, неточностей? Может, это ложь с благими намерениями?

Видите ли, науке часто приходилось прибегать к фокусам, чтобы поддержать свое реноме или вообще доказать право на существование. Малообразованные или невежественные массы в своем отношении к науке и ученым легко колеблются от боязливой уважения («**ох, и умны же эти яйцеголовые!**») до презрения и негодования («**и на что только эти очкарики тратят денежки налогоплательщиков**» (другой вариант: «**народные денежки**»)?). Вот и приходилось время от времени поражать массы чем-либо зрелищным и доступным, чтобы доказать – не зря яйцеголовые едят свой хлеб, ой, не зря!..

При этом, имейте в виду, я говорю не о египетских жрецах, использовавших двигающиеся и огнедышащие машины для охмурения суеверного народа, и не о ловкачах, которые прятали в фигурах автоматов-шахматистов живого карлика. Я говорю об ученых, которые занимались интереснейшими, но малопонятными для многих вещами, а время от времени вынуждены были показывать публике «чего-нибудь эффектного» – чтобы поддержать в людях интерес и уважение к науке.

Потому что наука, в общем-то, штука довольно скучная.

Скучно, господа, скучно...

Какие-то лысые в очках выписывают на доске мелком какие-то непонятные крючки, яростно споря, и выхватывая друг у друга мелок, а потом кто-то со стуком ставит точку в конце восьмиэтажной формулы, и одни очкарики начинают подпрыгивать и вопить от восторга, а другие в отчаянии падают на стул, запустив пальцы в остатки шевелюры... Шекспировские страсти! Но, вообще-то, о чем они там, а?

Скучно...

Скучен пыльный, красный, усеянный камешками Марс. Скучен выгоревший до черна Меркурий. Скучны обледенелый пустынный Плутон, скованный ледяным панцирем Ганимед, невероятно скучны кольца Сатурна, состоящие из ледяных камешков, камней, каменок и глыб, а самое сокровенное, самое интимное местечко Вселенной – «**родильный дом звезд**» – с виду не представляет собой ничего выдающегося, какие-то звезды и полосы на глянцево-журнальной странице, звезды и полосы...

Скучно выглядит и дно Марианской впадины. Хотите знать, как? Вот вам свидетельство очевидца:

«Наконец я вижу свет, отражающийся от дна. Само дно выглядит гладким, как яичная скорлупа, никаких неровностей, ничего, что помогло бы определить расстояние... Вода прозрачная, как стекло. Я смотрю далеко вперед: ничего. Дно абсолютно ровное. Совершив более 80 погружений, я видел разное морское дно. Но такого – никогда. Никогда!

...я включаю микрофон. «Суша, это **Deepsea Challenger**. Я на дне. Глубина – 10 898 метров... системы жизнеобеспечения работают нормально, все в порядке»... Я поворачиваю батискаф и через камеры пытаюсь оглядеться в мире, в который прибыл. Дно плоское... Его поверхность напоминает автостоянку, на которой только что выпал снег. Я не вижу на дне признаков бурной жизни, лишь время от времени мимо проплывают редкие рачки-амфиподы, крошечные, как снежинки...»

26 марта 2012 года в глубочайшую точку Мирового океана погрузился знаменитый канадский кинорежиссер и продюсер Джеймс Кэмерон. На батискафе собственной конструкции, построенном на его собственные деньги.

Кэмерон пробыл на Дне Мира целых три часа. От чудовищного давления воды корпус его батискафа сдвинулся аж на 5 сантиметров... Уже наверху, выбравшись из аппа-

рата, он сказал: «Я не нашел в воде ничего, что показалось бы мне живым, кроме нескольких амфипод. Не думаю, что я достиг места, где мог бы взять интересные геологические образцы или обнаружить что-нибудь любопытное для биолога».

Поняли? И никаких тебе причудливых медуз, осьминогов, рыб! Кучка мелких, как пылинки, рачков, парящих над плоским, гладким дном... Трансляция со дна Марианской впадины.

Авторы ролика, о котором шла речь в самом начале, пошли на маленькую хитрость, или, говоря прямо, на маленький обман. Уверен, что не из злого умысла. Просто им хотелось сделать поэфффектнее. Разукрасить мрачное дно мира картинками из других мест, может, для того, чтобы возбудить в зрителях интерес к науке океанографии. В кино, например, такое случается сплошь и рядом. Все с увлечением смотрят на перестрелку ментов с бандитами или на рукопашный поединок спецназовцев, и никто при этом не задается вопросом, как это можно выстрелить сто тридцать пять раз из девятизарядного пистолета или почему два супербойца прыгают друг возле друга целых полчаса, хотя покончить с этим можно было бы в пять минут. Его величество Эффект!

Это я понимаю.

Я все никак не могу решить для себя, допустимы ли такие приемчики в науке. Само собой, для школьников куда интереснее и зрелищнее химический опыт на лабораторном столе, опыт, во время которого полыхает пламя, и во все стороны летят искры и валит дым, – чем та же самая реакция, написанная мелом на доске.

А люди в массе своей – такие же школьники... Но если на доске одна реакция, а на столе – другая?

Для пущего эффекта?

Лично я на такую «**подставу**» не пошел бы. У меня свои понятия о научной этике.

Зато я постарался бы убедить массового зрителя (ну, или слушателя), что гладкое дно Марианской впадины по-своему прекрасно. И что мелкие рачки, там обитающие, заслуживают всяческого уважения – за то, что смогли приспособиться к обитанию в условиях вечного мрака, огромной глубины и кошмарного давления...

Знаю, сделать это будет трудно. Знаю, выглядеть это будет неэффектно. Но это будет, по крайней мере, честно.

МОРАЛЬ БЕЗ МОРАЛИЗАТОРСТВА

Вначале – предыстория.

В один прекрасный день некий азербайджанский журналист, находясь в вагоне метро вместе со своими малолетними детьми, увидел милованшуюся пару, обоим – лет по семнадцати. Девушка при этом сидела, закинув ногу на ногу. Когда журналисту показалось, что дело вот-вот дойдет до поцелуев, он не выдержал, обозвал паренька «ослом», пнул его ногой, а на остановке выставил парочку из вагона. Сообщение об этом эпизоде журналист разместил в своем блоге.

Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется, сказал когда-то поэт Тютчев.

Вот и журналист – не предугадал. Его слово отозвалось волной цунами, переросшей в водородный взрыв. Незначительный с виду эпизод стал самой обсуждаемой новостью в азербайджанском сегменте Интернета, народ в большинстве своем перестал реагировать на все остальное и бросился обсуждать тему «**поцелуи на виду у всех – морально это или аморально и кому какое до этого дело**».

Общество раскололось на две части. Консервативно настроенная часть поддержала журналиста – нечего, мол. Молодежь, напротив, поддержала пострадавшую па-

рочку и в знак протеста против ханжества закатила флешмоб «**целуемся в метро**».

Замечу, что вопрос вращается вокруг понятия морали. Целующиеся, по сути, не совершали ничего такого, что прописано в Уголовном кодексе. Даже правила метрополитена не запрещают целоваться в вагонах – поезд от этого не загорится и не сойдет с рельсов, то есть, никакой угрозы безопасности нет. Более того, не возбраняется целоваться даже в машинах (во всяком случае, нигде нет официального на то запрета) – главное, чтобы поцелуи не приводили к дорожно-транспортным происшествиям. Получается, что к парочке никаких претензий нет, а вот действия журналиста аккуратно попадают под статью о хулиганстве и самоуправстве. Журналист, правда, стал объяснять, что все было совсем не так, что пнул он ногу паренька лишь потому, что тот чуть не наступил на ногу маленького ребенка, после чего паренек, якобы, извинился, и они с подружкой сами покинули вагон. Да и вообще журналист не собирался порождать цунами и водородный взрыв, а всего лишь навсего хотел сказать в своем статусе, что он против поцелуев в общественных местах, и если уж люди едут в общественном транспорте, то пусть уважают окружающих...

Вот такой вот общественный резонанс.

Ну и как я, поэт и гражданин, должен ко всему этому относиться?..

Я, честно признаюсь, отнюдь не моралист. И мораль читать не люблю. Зачем? Человеку благовоспитанному мораль читать не нужно – он и так не допустит ничего предосудительного в силу своей благовоспитанности. А невоспитанному мораль читать и вовсе бесполезно – он ее не воспримет в силу своей невоспитанности. Кроме того, сам я далеко не совершенен, чтобы еще поучать других; не суди – да не судим будешь, так, кажется? И наконец, это просто опасно в наше время, читать мораль – за несвоевременное и неуместное замечание можно запросто словить перо в бок и – в дамки. Разумеется, сие не значит, что следует проходить мимо всего, опустив глаза и прикусив язык, но замечания делать и, тем более, вмешиваться, по моему разумению, следует в крайних случаях, когда далее молчать и притворяться слепым уже невозможно, либо когда кому-то грозит серьезная опасность.

Еще раз повторяю, я не любитель читать мораль, но допустим все же, что мне пришла в голову блажь сделать публично целующейся парочке замечание. Я ни в коем случае не стал бы орать, привлекать внимание людей и публично позорить влюбленных. И знаете, почему? Я по своему опыту знаю, насколько чувствительны и ранимы влюбленные, особенно парни. Они ведь изо всех сил зарабатывают авторитет в глазах своих подружек, разными путями, порой не очень умными, но – зарабатывают. Парням очень хочется выглядеть мужчинами. И вот так вот, с лязгом и грохотом, сплеча, разбивать имидж парня в присутствии его дамы сердца – не есть хорошо. Либо парень будет унижен и почувствует себя побитой собакою, либо вспыхнет и пойдет отстаивать свой мужской авторитет. Первое пагубно для самого парня, второе – для окружающих, ну и, в конечном итоге, опять же для самого парня. А подвергнуть унижению девицу, после чего каждый уважающий себя парень вспыхнет и полезет на рожон, еще неразумнее.

Я бы в этом случае приблизился к парочке и сделал бы замечание вполголоса, так, чтобы кроме нас троих этого никто больше не слышал. Поверьте, подавляющее число молодых людей сумеет оценить подобную деликатность. И уж мне никогда не пришлось бы в голову распускать руки или, тем более, ноги. Но допрежь всего, повторяюсь, мне не пришлось бы в голову сделать в таких случаях замечание. Ибо я не моралист.

Многочисленные комментарии, большей частью принадлежащие женщинам, в меньшей – парням, содержали одну и ту же мысль: журналист, мол, вспылил оттого, что позавидовал молодым и счастливым влюбленным. Мол, не вынесла душа журналиста, и решил он «**сломать чужой кайф**»...

Я попробовал эту гипотезу на вкус, цвет и запах. Зависть, ммм? Я извиняюсь, а чему тут, собственно, завидовать? Большой и чистой любви? Так это еще бабушка надвое сказала, есть тут большая и чистая любовь, или это всего лишь – «играй, мой гормон», и парочка легко и безболезненно расстанется через неделю-другую... Смелости завидовать? Так налетчик, который среди бела дня влетает с пистолетом в банк, укладывает всех присутствующих мордой в пол, выгребает из кассы деньги и исчезает, выказывает намного больше смелости. Может, завидовать следует тому вызову, который бросают обществу демонстративно целующиеся при всех пары? Так парни и девушки, которые выходят на несанкционированный митинг, рискуя попасть под полицейские дубинки и струю водомета, бросают обществу куда больший вызов... А тут – какой-то публичный поцелуйчик.

Нет, может, кто-то тут чему-то и завидует, я лично – нет.

Защитники публичных поцелуев аргументируют свою позицию тем, что на дворе, мол, давно уже двадцать первый век, что мы, мол, все еще морально зажаты в силу своего менталитета и терпеть не можем ни малейшего проявления свободы и раскрепощенности, что за границей, мол, в цивилизованных странах, кои должны служить нам маяком, всюду прилюдно целуются, и не только парни с девчонками, возможны и другие сочетания, а где-то в Голландии, мол, или там в Дании на газонах городских парков не только публично целуются, но и делают, как говорилось в одной старой итальянской кинокомедии, «**динь-динь**», и тоже в различных сочетаниях, и так далее, и так далее, и тому подобное... Ключевое слово тут – свобода. Защитники публичных поцелуев, как правило, люди молодые, и их можно понять. Правда, в силу своего возраста и слабого знания истории они и не подозревают, что еще в середине прошлого века на Западе отбушевала «сексуальная революция», устроенная тамошней молодежью и направленная против ханжеской морали и религиозных догм буржуазного общества... Да что там XX век – еще в Древней Греции существовала целая философская школа циников (киников); откровенно презирав нормы общественной морали и культурные ценности, руководствуясь лозунгом «**Что естественно, то не безобразно**», циники открыто справляли малую и большую нужду там, где им хотелось, и позволяли себе прочие непотребства, о которых тут и писать неудобно, причем делали это среди бела дня и в присутствии большого количества людей. Хотя их целью было не столько эпатировать публику, сколько продемонстрировать, что им плевать на все и всяческие условности, которыми опутан каждый человек. Глупые, смешные, неестественные условности.

Так что раскрепощенность, свобода и пренебрежение нормами морали имеют долгую историю.

Один из аргументов тех, кто поддержал журналиста, – негоже маленьким детям видеть, как при них целуются взрослые, тем более, незнакомые, это может вызвать у детей нездоровый интерес, нежелательные вопросы, на которые трудно будет ответить родителям, и так далее. Сторонники публичных поцелуев парируют эти доводы так: ханжи привыкли прикрываться детьми! Да дети сейчас понимают в некоторых вопросах лучше взрослых! Да прошли уже те времена, когда детям рассказывали сказки об аистах и капусте! Да дети в семье у себя порой видят такое, что и в метро не увидишь! Да и не смешно ли это – в обществе, где парни часто женятся на двоюродных сестрах, лицемерно уберегать детей от созерцания невинных поцелуев в общественном транспорте! В таком вот духе.

Меня трудно назвать ханжой. Дети я тоже прикрываться не привык. Кроме того, я в достаточной степени знаю современных детей. Разумеется, смешно в наше время апеллировать к капусте и аистам – потоки информации содержат массу сведений просветительского, так сказать, характера, и в детское сознание поневоле пролезает пони-

мание того, откуда дети берутся. Улица, школа... Семья... Телевизор... Интернет... Противостоять всему этому – все равно, что отмахиваться от таежной мошкары голыми руками. Но это вовсе не значит, что детскую психику не следует уберегать от **лишнего**. Пусть взрослеют постепенно. Скороспелость в некоторых вопросах до добра не доводит.

Меня все эти дни беспрестанно спрашивают – а целовался ли я сам (примерно так)? Целовался, отвечаю, еще как целовался – не мужик, что ли? Не человек, что ли? Не бакинец, в конце концов? Но, добавляю я, никогда не делал это прилюдно. Всякий раз мы с дамой сердца выбирали какой-нибудь укромный, безлюдный, темный уголок, желательнее со скамеечкой, и там уже... Во времена моей юности и молодости в Баку было полным-полно таких укромных местечек – в скверах, густо поросших деревьями и кустарником, с удобно расположенными скамейками, со слабым, интимным освещением... Сейчас, когда я прогуливаюсь вечерами по современным бакинским паркам и скверам с их оскудевшей растительностью, светом мощных фонарей и вездесущими камерами видеонаблюдения, то понимаю – у меня и моих прежних подружек шансов уединиться было бы мало. Скорее всего, мы чувствовали бы себя как парочка преступников, попавших под прожектора полицейских вертолетов... Целоваться прилюдно тогда было как-то некомфортно. Впрочем, и во времена моей молодости взгляды на поведение влюбленных различались. Помню, в 1986-ом я ухаживал за девушкой по имени Эльвира; как-то раз мы ехали в троллейбусе, ворковали, и – о, ужас! – держались при этом за руки! И поймали на себе осуждающие взгляды двух районских бабулек. Эльвира нехотя высвободила свою ладошку из моей руки, разговор скомкался. И когда мы уже выходили из троллейбуса, Эльвира обернулась к бабулькам и прошипела: «**Нечего так смотреть! Знали б вы, чем тут ваши внучки занимаются!**». О темпора, о морес!

Кто-то из моих соотечественников ехидно заметил, что пока мы тут спорили об уместности или неуместности поцелуев в метро, известный американский миллиардер, изобретатель и инвестор Илон Маск провел очередные успешные испытания космической ракеты многоразового действия **Falcon 9**.

Верно подметил, шельмец.

В который раз подумалось мне: до чего же невероятно сложна жизнь человеческая! До чего многообразна! И наш город, наша страна – не исключение! В Интернете информация о скандале с поцелуями в бакинском метро и вправду соседствует с информацией об успешном испытании космического корабля! Или: читаешь, что астрономы **NASA** открыли семь землеподобных планет в созвездии Волопаса и пытаются определить, насколько высока вероятность существования там жизни и разума, а вслед за тем читаешь, что у нас одного парня зарезали за то, что он целовался со своей девушкой в парке, а другого – за то, что он целовался со своей девушкой в подъезде... и то, и другое – из-за обостренного понимания чести и достоинства. Порой не верится, что все это может происходить в одно и то же время на одном шарике...

...Я не моралист. И морализаторством заниматься не намерен. Никого не осуждаю, никому ничего не навязываю. Люди сами с усами, разберутся. Хотелось бы лишь напомнить высказывание великого немецкого философа Канта: «**Две вещи наполняют мою душу священным трепетом: звездное небо над головой и нравственный закон внутри нас**».

Можете считать это моралью, но без морализаторства.